

Знакомый незнакомец

Если благодаря Московскому международному кинофестивалю, неделям зарубежного кино и другим показам мы еще имеем возможность видеть новые работы мастеров мирового экрана, то с театральными постановками крупнейших режиссеров современности наш зритель практически незнаком. Тем с большим интересом ждали в Москве гастролей шведского Королевского драматического театра, который показал два спектакля — «Фрекен Юлия» А. Стриндберга и «Гамлет» Шекспира в постановке Ингмара Бергмана.

Автора мы хорошо знаем и любим такие его фильмы, как «Земляничная поляна», «Осенняя соната» — признанные шедевры мирового кинематографа, демонстрировавшиеся в советском прокате. Помним картину «После репетиции», действие которой происходит в театре и посвящено Театру. Знаем, что более сорока лет Бергман активно работает в театре, поставил едва ли не всего Стриндберга, многие пьесы Шекспира, Ибсена, Мольера, Олби... И вот — первая встреча с театральным искусством Мастера.

Тех, кто рассчитывал на сильные эффекты и шоковые потрясения, она явно разочаровала. Лаконичная сценография, традиционность и тщательная выверенность приемов рассчитаны на создание не внешнего, но внутреннего напряжения. Зрителю здесь предлагают не расслабиться, а, напротив, собраться с силами души и довериться театру в предпринятом им неторопливом, обстоятельном размышлении о трагических судьбах героев Стриндберга и Шекспира, вместе ступить на тернистую, не имеющую конца дорогу по направлению к истине. Того, кто на это отважится, ожидают и радости — дорогие моменты театрального откровения, прозрения, прорыва к правде, — но это не сразу и, будем честны, не для всех.

...«Гамлет». начинается непривычно — легкой, обчорожительной мелодией вальса Легара. Взмывает кисейный занавес — ничто не предвещает кровавой трагедии. Трогательная, какая-то даже старомодная театральность сквозит и в пурпуре нарядов королевской четы, и в беззащитно-белом одеянии призрака, который вовсе не условен, а абсолютно достоверен, ходит, разговаривает и даже заключает Гамлета в объятия. (Пожалуй, мало кто из наших режиссеров рискнул бы вывести сегодня на сцену такого призрака, боясь обвинений в анахронизме). И даже сам Гамлет, несмотря на современный костюм, черные очки и весь свой взъерошенно-агрессивный облик представителя сегодняшнего (или вчерашнего) «рассерженного» поколения, неизменно театрален, точно, с необходимым темпераментом ведет свою партию в этом богатом ансамбле.

Истинный смысл бергмановского «театра в театре» понимаешь только в финале, когда звон рапир сменяет оглушительный, беспощадный рок, а груды трупов безжалостно сбрасывают в люк солдаты Фортинбраса, одетые в суперсовременную военную форму. Они же в упор расстреливают Горацио, призванного «повеждать првство» о драме в датском королевстве... Там, в том хрупко-театральном, наивном мире, несмотря на все его трагедии, еще мог сходить с ума от раскаяния Клавдий (сцена его несостоявшейся молитвы — одна из сильнейших в спектакле), там молча взывала к божьему в человеке Офелия, почти не уходящая со сцены, присутствующая в каждом эпизоде как совесть, обещание чистоты и справедливости... Смогут ли так же строго судить себя, так же жертвовать собой во имя истины люди эпохи Фортинбраса, бесстрастно фиксирующие на видеопленке распростертое тело Гамлета?

Показанные в Москве шведскими актерами спектакли отнюдь не вызвали единодушного восторга. Кому-то искусство гостей показалось несколько монотонным, даже скучноватым (справедливости ради скажем, что, очевидно, каждый академический коллектив с традициями — а Королевский драматический недавно отметил свой 200-летний юбилей — несет печать некоей своей канонизированности и выверенности, что в принципе сцене не всегда на

пользу). Кому-то, воспитанному на жестко, впрямую соотносенных с текущим временем концепциях наших режиссеров при прочтении ими классики, не хватило именно этой определенности аллюзий. Но ясно одно: и те, и другие, и третьи, которые приняли спектакли гостей целиком, значительно расширили свое представление о ситуации в современном театре, по достоинству оценили высокое искусство шведских актеров и их знаменитого режиссера.

Н. АГИШЕВА.